

> МАГИСТРАЛЪ >

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ

Обманщик
и его маскарад

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

М47

Herman Melville

THE CONFIDENCE-MAN: HIS MASQUERADE

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Мелвилл, Герман.

М47   Обманщик и его маскарад / Герман Мелвилл ; [перевод с английского К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-215750-9

Сюжет романа довольно прост, но стиль и структура довольно сложные. На пароходе, плывущем по Миссисипи (Мелвилл любил использовать пароходы как метафору общества), плывёт компания самых разных обывателей. С каждым из них в разных ситуациях и сценах взаимодействует неуловимый, таинственный Обманщик. Вы становитесь свидетелем того, как «Жертва» и «Хищник» пытаются получить преимущество друг над другом. Создаётся впечатление, что персонажи нуждаются в обмане, хотят, чтобы их эксплуатировали. Обманщик через сатиру и аллегории вскрывает лицемерие общества, критикует эксплуатацию и расовое неравенство.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Савельев К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-215750-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

ГЛУХОНЕМОЙ САДИТСЯ НА ПАРОХОД В СЕНТ-ЛУИСЕ

На рассвете первого апреля¹ мужчина в кремовом костюме появился на берегу Миссисипи в городе Сент-Луисе — неожиданно, как Манко Капак² на озере Титикака.

Он был светлокочим и белобрысым, с легким пушком на подбородке, и носил белую меховую шапку с длинным ворсистым начесом. У него не было при себе чемодана, саквояжа, ковровой сумки или даже узелка с вещами. Его не сопровождал носильщик. Судя по шепоткам, хихиканью, изумленно поднятым бровям и озадаченным пожатиям плечами, он был чужаком в самом радикальном смысле этого слова.

Не теряя времени, он поднялся на борт современного парохода «Фидель»³, готового к отправлению в Нью-Орлеан. Провожаемый взглядами, но никем не приветствуемый, с видом человека, равнодушного к вниманию или невниманию, который следует выбранному пути в гордом одиночестве или в многолюдном городе, он прошел по нижней палубе, пока не достиг плаката рядом с ка-

---

¹ День Дурака, что имеет значение в контексте повествования. (*Прим. пер.*)

² Считалось, что Манко Капак, основатель инкской империи, был ниспослан на землю его отцом, Солнцем. (*Прим. пер.*)

³ От латинского *fides* (вера). Авторская ирония очевидна, но название может также намекать на Фиделию в шекспировском «Цимбелине», на Фиделию в «Простодушном дельце» Уичерли или на «Фиделию» Бетховена; все эти персонажи действуют под чужими личинами. Возможна также аллюзия на правомерность латинского изречения *in bona fide*, то есть «добросовестно».

питанской каютой, где предлагалась награда за поимку загадочного мошенника, якобы недавно приехавшего с Востока, — подлинного гения своей нечестивой профессии. Хотя из текста было не ясно, в чем заключалось его мастерство, там находилось подробное описание его внешности.

Вокруг плаката, словно это была театральная афиша, собралась целая толпа, в том числе определенные *кавалеры*¹, чьи взгляды были прикованы к заголовкам, — или по меньшей мере пытались разобрать их из-за спин более удачливых зрителей. Между тем их пальцы проделывали некую таинственную работу, и время от времени кто-либо из этих джентльменов приобретал у продавца денежных поясов одно из этих популярных защитных устройств. Тем временем другой расторопный торговец находившийся в средоточии толпы, успешно распространял истории о жизни Мизана, бандита из Огайо, Муррела, речного пирата на Миссисипи, братьев Харп², известных разбойников из Грин-Ривер в штате Кентукки, и других подобных существ, подвергшихся поголовному истреблению, как стаи хищных волков в некоторых регионах, и почти не оставивших преемников своего дела. Это стало причиной большой радости для всех честных людей, за исключением тех, кто имел основания полагать, что в тех местах, где истребляли волков, умножалось поголовье лисиц.

Немного помедлив, незнакомец стал проталкиваться через толпу, да так успешно, что вскоре оказался рядом с плакатом. Там он достал маленькую грифельную доску,

---

¹ Отсылка к *chevaliers d'industrie* (аферисты, мошенники).

² Сэмюэл Мизан был разбойником, о котором Джеймс Холл пишет в «Эссе о жизни, истории и нравах Запада». Джон Муррел был кровожадным и коварным бандитом, сколотившим шайку из тысячи с лишним человек под названием «Таинственный клан Муррела». Братья Харпы отличались особой жестокостью; младший из них обезглавил Мизана после вступления в его банду. (*Прим. пер.*).

начертал на ней несколько слов и поднял ее на уровне плаката, чтобы зрители могли прочесть и то и другое. Слова были такими:

«Любовь не мыслит зла».

Поскольку ради завоевания своего места рядом с плакатом он проявил определенное упорство и даже некоторую настойчивость вполне безобидного рода, зрители без особого восторга отнеслись к такому посягательству на их внимание. При более внимательном осмотре они не обнаружили никаких знаков должностных полномочий, и даже более того: он выглядел необыкновенно простодушным, что делало его присутствие в это время и в этом месте весьма неуместным, а значит, наводило на мысль, что его надпись тоже не заслуживает внимания. Короче говоря, его приняли за какого-то странного простака, — достаточно безобидного, если бы он держался особняком, но довольно назойливого в своем нынешнем поведении. Поэтому его беспардонно оттолкнули в сторону, причем один из зевак, менее добродушный или более проказливый, чем остальные, ловко нахлобучил меховую шапку ему на лоб. Не поправляя ее, незнакомец молча повернулся, написал новые слова на грифельной доске и поднял ее над головой.

«Любовь долготерпит и милосердствует»¹.

Недовольные его упрямством (как им казалось) зевачи снова оттолкнули его в сторону, на этот раз не без бранных эпитетов и нескольких тычков, которым он не противился. Но, словно наконец отчаявшись в столь труд-

---

¹ Все цитаты на грифельной доске взяты из 1-го Послания Коринфянам, 13.

8 *Герман Мелвилл*

ном мероприятии, где непротивленец стремится утвердить свое присутствие среди агрессивной толпы, незнакомец медленно пошел прочь, хотя изменил свою надпись на следующие слова:

«Любовь все покрывает».

Держа грифельную доску как щит перед собой¹, посреди недовольных взглядов и насмешек, он медленно расхаживал взад-вперед и в поворотных точках еще дважды изменил свою надпись:

«Любовь всему верит».

А потом:

«Любовь никогда не перестает».

Слово «любовь», написанное с самого начала, осталось неизменным, как левая цифра на печатном бланке, где оставлено место для заполнения даты.

Для некоторых наблюдателей необычное поведение, если не безумие незнакомца, подчеркивалось его немотой — возможно, еще и по контрасту с привычным и разумным порядком вещей, — скажем, с присутствием на пароходе брадобрея, чьи владения под курительным салоном и напротив бара располагались через одну дверь от капитанской каюты. Создавалось впечатление, что вся длинная, широкая крытая палуба по обе стороны корабля представляла собой константинопольский торговый пассаж или базар с застекленными витринами, где были представлены всевозможные ремесла, и этот речной брадобрей

---

¹ Отсылка к Посланию Ефесянам, 6:14: «Итак, встаньте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности».

в фартуке и парчовых туфлях, немного опухший и брюзгливый после сна, открывал свою лавочку и украшал витрину соответствующим образом. С деловитой сноровкой он опустил шторы и без особого внимания к толкучке установил перед входом натяжной клапан, опиравшийся на декоративный железный столбик, а потом отогнал людей еще дальше, когда, взгромоздившись на табурет, повесил на гвозде над входом аляповатую картонную вывеску собственной работы с позолоченной бритвой в исходной позиции для бритья и короткой надписью, какую часто можно видеть у входа в другие лавки, кроме парикмахерских:

«В кредит не обслуживаем».

Хотя сама по себе эта надпись выглядела не менее вызывающей, чем надписи на грифельной доске незнакомца, она не вызвала никакого удивления, насмешек или раздражения. Тем более она неставляла автора в виде простака или недалекого человека.

Между тем человек с грифельной доской продолжал неторопливо расхаживать взад-вперед. Его настойчивость приводила к тому, что некоторые презрительные взгляды сменялись насмешками, некоторые насмешки — толчками, а некоторые толчки — грубыми тычками. Неожиданно, во время одного из поворотов, его громко окликнули двое носильщиков с большим сундуком, а поскольку это не произвело никакого эффекта, они случайно или преднамеренно подтолкнули его в спину своей ношей, едва не опрокинув на землю. Он пошатнулся, издал невнятный стон и выразительными жестами пальцев невольно выдал то обстоятельство, что был не только немым, но и глухим.

Но потом, как будто абсолютно безразличный к недружелюбному приему, он прошел вперед и занял сидя-

чее место на полубаке у подножия лестницы на верхнюю палубу, по которой то и дело поднимались и спускались моряки, занятые своими делами.

Судя по непринужденности, с которой он занял это скромное место, незнакомец был вполне осведомлен о своем положении, а его затруднительный проход по палубе не составил для него большого неудобства; поскольку он не имел багажа, то вполне вероятно, что он собирался высадиться на одном из небольших речных причалов, расположенных в нескольких часах плавания по реке. Но, даже несмотря на это, он как будто явился из очень далеких краев.

Хотя его кремовый костюм не был грязным или засаленным, он выглядел довольно поношенным и нечищеным, словно после долгого странствия из неких отдаленных мест за прериями он давно был лишен такой роскоши, как обычная постель. Его добродушное лицо было изможденным, а после того, как он приобрел сидячее положение, оно все больше приобретало выражение усталой отчужденности и сонливости. Постепенно его одолела дремота; его светловолосая голова склонилась на грудь, тело расслабилось, как у жертвенного агнца, и он неподвижно застыл у подножия лестницы, как снежный сугроб в начале марта, который, подтачиваемый тальми водами в своей белой безмятежности, заставляет фермера чесать в затылке на рассвете, когда он выходит на порог и осматривается по сторонам.

Глава 2

ДЕМОНСТРИРУЮЩАЯ, ЧТО У РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ ЕСТЬ РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

«Странный тип!»

«Бедняга!»

«Кто же он такой?»

- «Каспар Хаузер»¹.
«Будь я проклят!»
«Необычное лицо».
«Новоявленный пророк из Юты»².
«Лицемер!»
«Святая невинность».
«Он что-то затевает».
«Спиритический медиум».
«Просто дурачок».
«Жалкое зрелище».
«Он пытается привлечь к себе интерес».
«Нужно остерегаться его».
«Спит как младенец, а потом, несомненно, будет шарить по карманам у пассажиров».
«Дневное воплощение Эндимиона»³.
«Беглый преступник, которому больше некуда податься».
«Иаков, дремлющий в Лузе»⁴.

Такие комментарии, произнесенные вслух или мысленно членами разношерстной компании, собравшейся на балконе, выступавшем над передней частью верхней палубы, не были засвидетельствованы предыдущи-

---

¹ Каспар Хаузер (1812–1833), или «дитя Европы», — найденный, обнаруженный в Нюрнберге в возрасте 16 лет, не умеющий ходить и говорить. О его судьбе написано несколько книг. По мнению современных неврологов, он испытал жесткую сенсорную депривацию в возрасте от нескольких месяцев до пяти лет. (*Прим. пер.*)

² Судя по времени повествования, имеется в виду Те й л о р Д ж о н с (1808–1887), третий пророк церкви Иисуса Христа Святых последних дней. (*Прим. пер.*)

³ Согласно некоторым источникам древнегреческой мифологии, Эндимион, любовник богини луны Селесты, ночью смотрел на звезды, а днем спал. (*Прим. пер.*)

⁴ См. Быт. 28:19. Иаков переименовал угартитский город Луз в Вефиль, нынешний Бейт-Эль в Израиле. Позднее там находилась статуя золотого тельца (3-я Царств, 12:28–30). Лестница Иакова соединяла землю и небо. (*Прим. пер.*)

12 *Герман Мелвилл*

ми событиями и отражали только умонастроение этих людей.

Между тем, словно заколдованный человек в темной гробнице, пребывая в блаженном неведении об этих сплетнях, глухонемой пассажир продолжал мирно спать, пока судно отправилось в плавание.

Великий судоходный канал Вин-Кин-Чин¹ в Цветущем Царстве местами напоминает Миссисипи, где она свободно и широко протекает между низкими берегами, ровными, как буксирные тропы, и увитыми древесными лианами, и несет многопалубные пароходы, ярко разукрашенные и лакированные изнутри, словно императорские джонки².

Изрешеченную двумя ярусами похожих на амбразуры маленьких иллюминаторов высоко над ватерлинией ее белого корпуса, «Фидель» издали можно было принять за побеленный форт на плавучем острове.

Коммерсанты свободно расхаживали по палубам, беседуя друг с другом, в то время как из невидимых недр парохода доносился приглушенный шум голосов, похожий на жужжание в пчелином улье. Широкие променады, куполообразные салоны, длинные галереи, солнечные балконы, служебные коридоры, чертоги для новобрачных, многочисленные роскошные каюты и укромные уголки, напоминавшие потайные отделения в секретере³, — здесь

---

¹ В примечаниях к английскому академическому изданию «Моби Дика» указано, что Мелвилл имел в виду тот же канал, о котором там было написано: «Ведь в Китае на великом канале Хань-Хэ, или как бишь он называется, пять или шесть кули тянут вдоль берега тяжело нагруженную джонку...» На самом деле речь идет о китайском Великом канале (Даньюхэ), который соединяет Янцзы и Хуанхэ. (*Прим. пер.*)

² Англо-канадский писатель Малькольм Лаури (1909–1957) использовал это описание в своем романе «Без груза к Белому морю». (*Прим. пер.*)

³ Сравнивая «Фидель» с секретером, Мелвилл подчеркивает текстологическую сущность ее пассажиров, чьи истории и характеры нуждаются в исследовании, анализе и интерпретации. (*Прим. пер.*)

было все необходимое для уединения или для привлечения внимания. Аукционисты и фальшивомонетчики с равной легкостью могли заниматься здесь своим ремеслом.

Хотя ее маршрут составлял тысячу двести миль — из одного климата в другой, от яблок к апельсинам, — как и любой маленький паром, курсирующий между берегами реки, огромная «Фидель» все равно принимала на борт новых пассажиров взамен тех, кто высаживался на берег. Поэтому, хотя она всегда была наполнена незнакомыми людьми, но в каком-то смысле постоянно заменяла их еще более незнакомыми незнакомцами, подобно тому, как фонтан Рио-де-Жанейро, питаемый ручьями с гор Коковерде, всегда наполняется новой водой, удаляя старую.

Хотя до сих пор, как мы видели, мужчина в кремовом костюме не оставался незамеченным, но, удалившись на покой и продолжая спать, он перестал привлекать к себе внимание, что было не частым благодеянием для него. Любопытная толпа осталась далеко позади, смутно видимая вдаль, как стайка ласточек на крышах, и внимание пассажиров вскоре было привлечено высокими утесами и обрывами на берегу Миссури¹ или грубовато-добродушными уроженцами штата Миссури и рослыми жителями Кентукки среди толпы на палубах.

После двух-трех небольших остановок мимолетная память о спящем незнакомце улетучилась; вполне возможно, и он сам уже проснулся и сошел на берег. Как это обычно бывает, стечение народа стало разделяться на отдельные группы и в некоторых случаях распадаться на двойки, тройки, четверки и даже на отдельных субъектов, невольно подчиняясь естественному закону, который предписывает растворение пропорционально массе, вплоть до отдельных частиц.

---

¹ Миссури впадает в Миссисипи недалеко от Сент-Луиса. (Прим. пер.)

Как и среди пилигримов Чосера или восточных паломников, пересекающих Красное море по направлению к Мекке в месяц Рамадан, здесь хватало разнообразия: коренные жители всех сортов и иностранцы; деловые люди и праздные гуляки; салонные эстеты и провинциальные фермеры; искатели правды и золотоискатели, охотники за славой и охотники за удачей, охотники на бизонов и охотники на пчел, искатели счастья и охотники за наследством, а также еще более энергичные охотники на всех этих охотников. Светские дамы в туфлях-лодочках и индейские скво в мокалинах; северные спекулянты и восточные философы; англичане, ирландцы, немцы, шотландцы, датчане; торговцы из Санта-Фе в полосатых пончо и бродвейские щеголи в костюмах из золотой парчи с шейными платками; красивые лодочники из Кентукки и похожие на японцев хлопковые плантаторы с Миссисипи; квакеры в тускло-коричневых холщовых костюмах и американские солдаты в полковых мундирах; модные испанские креолы и старомодные французские евреи; бедные мормонские Лазари и богатые паписты¹; улыбчивые негры и вожди сиу, напыщенные, как первосвященники; дьяконы и шулеры, суровые баптисты и веселые трудяги из южных штатов, шуты и кающиеся грешники, трезвенники и прожигатели жизни. Одним словом, это был птичий парламент, конгресс Анахарсиса Клоотса², состоявший из паломников, всевозможных представителей человеческого рода.

Как сосны, буки, березы, ясени, липы, ели и клены переплетаются кронами в мире природы, так и эти смерт-

¹ Намек на библейскую притчу о богаче и Лазаре (Лк. 16:19–31).

² Барон Жан-Батист де Клоотс, (1755–1794), принявший греческое имя Анахарсис, был пруссаком и «гражданином мира», который во время Французской революции возглавил делегацию «человеческой расы» в Национальной ассамблее. Карлейль упоминает о нем во «Французской революции», а Мелвилл пользуется его именем в «Моби Дике» и «Билли Бадде».

ные смешивались в разнообразии лиц и одежд. Татарская живописность; некая языческая непринужденность и самонадеянность. Здесь царил бесшабашный, предприимчивый и объединяющий дух Запада, чьим воплощением служит сама Миссисипи, объединяющая реки и ручьи из самых дальних и противоположных краев и беспорядочно несущая их воды в одном всеобщем и уверенном потоке.

Глава 3

ГДЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ РАЗНООБРАЗНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Не самым привлекательным зрелищем в носовой части парохода какое-то время был гротескный чернокожий калека в подпоясанных бечевой лохмотьях и со старым тамбурином в руке, похожим на угольное сито. Из-за какого-то ножного увечья его рост не превышал холки ньюфаундленского пса; его короткие курчавые волосы и добродушное, честное лицо терлись о бедра проходивших мимо людей, когда он поворачивался, чтобы побрести туда или сюда, изображая музыкальные номера, вызывавшие улыбку даже на самых серьезных физиономиях. Любопытно было наблюдать за ним, ибо, несмотря на свое уродство, нищету и бездомность, он жизнерадостно сносил свои тяготы, пробуждая веселье в сердцах некоторых зевак, чьи кошельки, дома и прочие владения, в том числе здоровые конечности, не доставляли им никакой радости.

— Как тебя зовут, старина? — осведомился краснолицый гуртовщик, положив большую багровую ладонь на курчавую голову калеки, как будто она была рулевым веслом.

— Меня зовут Черной Гинеей, сэр.

— И кто твой хозяин, Гинейя?

— Ох, сэр, я пес без хозяина.

— Бездомный пес, а? Ну, тогда мне тебя жаль, Гинейя.

Псам тяжело живется без хозяев.